

ПЕРЕДАЕТ СУРОВАГИН

Очерк
в документах

Эти и другие органы фашистской разведки и контрразведки всеми силами пытались забросить свою агентуру в партизанские отряды в прифронтовые районы и даже в советский тыл. Важно было вовремя раскрыть их методы работы, обезвредить агентов.

«К концу мая в Дятьковском районе немцы начали усиленно забрасывать свою агентуру. Работавшие своей оперативные группы тщательно проверяли всех прибывших на советскую территорию. Тогда немцы пошли на такой маневр: собирали с боем у партизан село, увидели оттуда поголовно все население, а через несколько дней всех выпускали, вербуя из них трех-четырех агентов. Такие факты установили в селах Гордчице, Соколово, поселке Гречище».

Этот усиленный интерес гитлеровцев к партизанам в Брянском районе был вполне объясним. Шутка ли, внутри группы армий «Центр» действовала Советская власть! А территория Дятьковского куста не менее обширна — около 2,500 квадратных километров. Ее обороняли десять партизанских отрядов, в том числе М. И. Дуки и М. П. Ромашина. Ясно, что оккупанты пытаются сделать все, чтобы смочила параболу выведать об этом крае, а потом окружить и уничтожить его. Такие намерения врага надо было заблаговременно раскрывать. И через некоторое время Василий Иванович раздурит:

«В конце мая мы получили разведданные о том, что немцы готовят наступление крупными силами на Дятьковский советский район, о чем поставили в известность командования отрядов. Приняты некоторые меры усиления обороны. 4 июня 1942 года немцы предприняли наступление на Любохну по орджоникидградскому большому группировке в 250 человек. На подступах к Колячице из группы разбиты отрядом Дуки 6 немцев, немцы повели общее наступление на Дятьковский район с пунктов Домашово, Дорожово, Любохна. Изот троем дивизионами регулярных войск...»

Для партизан наступило очень трудное испытание. Вот как об этом рассказывал В. И. Суrowsкин (донесение приводим в сокращении):

«На Любохну неприятель бросил 20 бомбардировщиков и под прикрытием их форсировал реку Белую. Одновременно брошены несколько танков. Отряд Дуки, державший оборону в Любохне, дрался героически. Вместе с С. Слободяком мы вместе с Дукой организовали командный и наблюдательный пункт. Около ста немецких автоматчиков по хустиркам подошли к церкви и открыли ураганный огонь... расчленил отряд на две части. Под прикрытием фланговых пулеметов мы едва успели сойти с церкви. Немцы подбросили свежее сырье...»

К вечеру 6 июня все отряды отошли в лес. До 11 июня немцы главным образом разведывали места стоянок партизан, а затем подтянули артиллерию, минометы. Одновременно бросили авиацию. Самолеты обстреливали партизан из пулеметов и сбрасывали бомбы. Пилоты упрямо оглядели артиллерию и минометы в бой пошли странные части. Отряд Дуки, в котором мы находились, и четыре роты батальона Виноградова (в общей сложности 500 человек) располагались в лесу между селами Першино Озерки. Немцы наступили двумя большими группами со стороны этих сел, оставив небольшой проход в глубь леса, закрыв его дугами партизан. Было принято решение занять круговую оборону и ни при каких обстоятельствах не отступать. Партизаны помаленьку не пропустили врага. Начался бой, в котором партизаны были в общей цели с бойцами. Немцы лавиной, во весь рост, лезли на партизан. Положение создалось критическое. Тогда командир роты батальона Виноградова Жукравля подтянул партизан и повел навстречу врагу. Немцы остановились, а затем побежали, бросив пушку. В

этот момент пулеметной очередью был убит Журавлев. Вместо него партизан повел командир роты Горбачев. Бой длился до 23 часов. Отряды, проорав кольцо, вышли из окружения.

Немцы шли по пятам. 15 июня они навзлели нас еще один бой, длившийся целый день... 17 июня у с. Ловшино они снова нас окружили. Не добившись успеха, предприняли две психические атаки. Когда немцы подошли на 200 метров, по ним мы открыли огонь сразу из 25 пулеметов, 30 автоматов и 200 полуавтоматов и винтовок. Почти вся передняя цепь (250—300 человек) была уничтожена... В этом бою особенно сильный удар выдержал Брянский районный отряд Ромашина. Вырвавшись из кольца, мы подошли к линии железной дороги Брянск—Рославль в районе Жуковки. Намерение перейти ее, форсировать р. Десну и выйти в клянский лес, как рекомендовал штаб партизанского движения, осуществить не удалось. Отряд принял решение идти на места прежних стоянок... И снова — рядом с Брян-

льщиной, лезущими на него. Большой высоте над городом и аэродромом, несмотря на сильный туман, загорелись огни. Некоторые самолеты приземлились на поле аэродрома и с ходу обстреливали вражеские самолеты и постройки. Один наш истребитель был подбит и сел в д. Бордовичи. В самолетах перевернулись цилиндр мотора и бензобаки. Летчик пытался скрыться в лесу, переоделись в гражданскую одежду, но за Десной его задержала полиция... Сведения получены через наши источники в немецкой контрразведке».

Обратим внимание на последнюю фразу. Как видим, Суrowsкин удалось выдержать свои лететь в этот орган.

«В ночь с 4 на 5 июня 1942 г. при бомбежке объектов в Брянске подбит четырехмоторный советский бомбардировщик, который упал на ородецкий ул. 3 июля. Летчик выбросился из парашютах. Из них пять человек рассеяны в воздухе при спуске, два достигли земли (один ранен в ногу) и захвачены немцами. Судьба восьмого неизвестна. По некоторым данным

ного материала, нанесены дополнительно на эту карту... расположенные вблизи и проекторных точек, штабов, складов и проч. Настоящую карту, видимо ее особой важности, необходимо немедленно направить самолетом на штаб фронта...»

На это время приходится еще один интересный эпизод из чеккистской деятельности В. И. Суrowsкина. О нем К. Ф. Фирсов, бывший начальник Орловского управления НКВД, вспоминает так:

«Летом 1942 года в наш управленческий поступили сведения о том, что в Брянске из главного штаба власовской армии прибыл какой-то высокопоставленный чин. Стало известно, что в первые дни войны этот чин попал в плен, командовал танковой бригадой, но при загадочных обстоятельствах оказался в немецком тылу. В Брянске же он прибыл, чтобы возглавить изданный в власовским формированиях в борьбе с партизанами и одновременно руководить строительством оборонительного рубежа... Тов. Суrowsкин, возглавлявшему операционную группу в зоне Брянска, хотя очень хотел, чтобы заинтересоваться этой персонай. Было установлено, что предатель настойчиво ухаживает за одной советской гражданкой по имени Нина. Но Нина отвергала любые знаменитости с его стороны. Надо было использовать эту ситуацию. Один из помощников Суrowsкина вступил с Ниной в переговоры, а затем с ней встретился и сам Василий Иванович. Суrowsкин предложил помощь чеккистам... По совету Суrowsкина она назначила своему вздыхателю свидание в роще на окраине Брянска. Проголоска состоялась. Организованная чеккистами засада вала одного из врасовского полковника жиним. С клепом во рту его усадили в заранее подготовленную партизанскую танкову и лесными тропами доставили в отряд. На следующий день самолет лез на борт «гостя» и в сопровождении партизанского конвоя доставил вначале на большую землю, а затем «гражданкой» в Москву».

А от группы Суrowsкина одна за другой поступают новые радиogramмы, которые в Центре обобщаются, сопоставляются с информацией других разведчиков.

«23 июля из Орла для переброски через линию фронта в наши тылы прибыли в район их деятельности агенты германской разведки Парченко Федор, танкист Баранов Федор и сержант Васильев. Они очень часто донесли в потрелянную красноармейскую форму. Их приметы...»

«25 июля из Орла на Томель, проследовав с эмблемами санитарной службы пассажирский состав с вагоном-рестораном, охвачен и контролируем паровозом вперед; вжал высший и средний комсостав...»

«28 июля — 1 июля прошла мобилизация немецких железнодорожников, работающих на ж.-д. узлах Брянска-I и-II, которые обмундированы в военную форму и после получения оружия отправлены на фронт, в связи с чем на железнодорожных узлах увеличилось число русских железнодорожников». Словом, выходя из этой радиogramмы, увеличилась и возможность диверсионных акций. И ее Суrowsкин использовал проследовало К. Ф. Фирсов «Облетевшая группа В. И. Суrowsкина провела большую работу в Брянском паровозном депо. Рабочим депо удавалось ставить магнитные мины замедленного действия для взрыва паровозов, выходящих на линию. В один из этих дней несколько машинистов вывели из строя около шестидесяти процентов паровозного парка, а сами ушли в партизанский отряд».

Зиму с 1942 на 1943 год В. И. Суrowsкин и его товарищи также провели под Брянском — в партизанских отрядах. А за четыре месяца перед новым годом Василию

Василий Иванович Суrowsкин.

Ивановичу был предоставлен короткий, в десять дней, отпуск, который он посвятил семье. Жена Шура и двое детей-крошек (четырёхлетняя Сава и Виталик, который только еще учился ходить), тогда находились в эвакуации в Мглинской области. Суrowsкин любил их нежно и трогательно и настолько соскучился по ним, что не посчитался с драгоценным временем, ни с огромным расстоянием. Да если бы у него оставался и один час для встречи с ними, он готов был ради этого отдать весь свой военный отпуск. Он ведь прекрасно понимал, что другой такой возможности может и не случиться. Хотя очень хотел, чтобы верил в то, что встретится после победы. Об этом постоянно напоминал в своих письмах, а также в некоторых телеграммах, которые передавал для семьи по радиочастоте управления НКВД. Все они сейчас свято хранятся у Александровых. Суrowsкин, живущий в своем родном Брянске. Она знает их почти наизусть. Не раз вспоминали эти строки и прежние крошки, так любил Васильем Ивановичем, ныне известным хирургом, областной больницы Светлана Васильевна Суrowsкина и механик вычислительного центра одного из Брянских заводов Виталий Васильевич Суrowsкин. Среди этих писем — и вот это, самое последнее, посланное из Брянского леса:

«Дорогие мои! Степуя сообщать вам великую радость: сегодня, 3 марта, мы воссоединились с частями нашей родной Красной Армии (имеется в виду прорыв под Севском и Суземой). ... Да! В настоящее время помогаю славной Красной Армии отстоять нашу землю от фашистского зверья. Вместе с группой товарищей нахожусь на главной, пародовой линии огня. Безмерно горжусь тем, что я в шеренге передовых, зачитанных бойцов. Почетное звание это сейчас не имеет. Буду продолжать делать все, чтобы как можно скорее изгнать захватчиков с нашей земли и встретиться с вами...»

«Он все сделал, чтобы как можно скорее изгнать захватчиков с нашей земли, но встретиться с семьей не смог. В ночь на 22 марта 1943 года группа Суrowsкина благополучно вышла из тыла врага через линию фронта и по пути в Елец, где тогда находилось управление НКВД, оставалась. На ночлег в Дмитриеве-Льговском. В эту ночь на город налетели фашистские самолеты. Одна из бомб упала на дом, в котором располагалась группа. Так оборвалась жизнь Василия Ивановича Суrowsкина. Вместе с ним погребены чеккисты Келетия Иван Михайлович и Ковалев, старшие лейтенанты Василий Федорович Пилигин и Николай Владимирович Гинчик, радистка Нина Зубрилина».

Посмертно подполковник госбезопасности В. И. Суrowsкин награжден орденом Отечественной войны I степени. Дверие, о котором он писал в рапорте на имя начальника управления перед прелетом линии фронта, Василий Иванович оправдал сполна. «О подвиге своем и товарищей в тылу врага В. И. Суrowsкин не успел поведать. Но остался его радиogramмы. Шестидесят его радиogramм...»

Ф. ДУНАЕВ,
А. КУЗНЕЦОВ.

Чеккисты принимают активное участие в организации отрядов и руководстве партизанским движением. На снимке — в минуты затишья сидит — Дмитрий Васильевич Ялотин, Герой Советского Союза, бывший начальник Суrowsкого района НКВД, с апреля 1942 года возглавлял объединенное командование партизанских отрядов, действовавших в южном массиве Брянских лесов; стоит — Алексей Дмитриевич Бондаренко, командир группы партизанского отряда объединения партизан, до войны — секретарь Трубовского райкома партии.

ском. Чеккисты продолжают свою работу.

«Составили несколько листовок с обращением к населению городов Брянск, Орджоникидград, к полицей. В одной из них, например, мы назвали ряд фамилий сотрудников городской управы, показали их как гнусных предателей. В этой листовке мы упомянули не поместили фамилии некоторых предателей: начальника полицей, его заместителя и других. С появлением листовки немцы немедленно их арестовали».

«К 1 июля 1942 года на Брянском аэродроме находилось 55 самолетов, из них 36 двухмоторных бомбардировщиков, расположенных несколькими рядами от дороги на Орджоникидград и деревни Гордчице в направлении на его запад. В этом же месте, ближе к центру аэродрома, — шесть истребителей. В юго-западной части — два транспортных трехмоторных в южной части, вдоль дороги — два двухмоторных самолета. В среднем ангаре самолетов. В среднем ангаре новой конструкции. За зданием аэропорта... на юг к концу оврага размещено 110 тонн бомб, замаскированных под зерно. Зенитная оборона аэродрома...» (И следуют подробные данные).

Такая же скрупулезная информация была передана в штаб фронта и в других объектах для бомбежки. Суrowsкин регулярно сообщает о результатах налетов нашей авиации, дает рекомендации, как нанести бомбовые удары по врагу с наименьшими потерями для себя.

«Отмечаем отмену и мужество, проявленные машинистами».

сплелся. В эту же ночь сбив второй советский самолет, который упал в районе села Большое Полотно. Семь человек экипажа выпрыгнули с парашютами. Один погиб при приземлении. Из приземлившихся летчиков один попал в партизанский отряд с нашей помощью, четверо — при действиях населения...»

И как вывод: «Считаем целесообразным бомбежки производить массовыми налетами, а не в одиночку. В таких случаях огонь зенитных батарей будет рассредоточен, а работа проекторов крайне затруднена. Исходя из наших личных наблюдений за расположением зенитных точек и интенсивностью зенитного огня в разных пунктах, а также за расположением проекторов, рекомендуем: самолеты лезть бомбардировки объектов Брянска выводить из объектов обстреля в направлении деревень Антоновка, Добрунь и Полуеж с разворотом на лес, без возвращения через город и его поселки, не прокладывая второй раз зону зенитного огня».

Осведомленность Суrowsкина просто поразительна! Создается впечатление, что под просмотром его оперативных групп и помощников находился каждый квадратный метр в оккупированном городе, в котором чеккисты порой действовали весьма дерзко.

«Во время нашего пребывания в городе с 28 июня по 2 июля 1942 г. удалось добыть немецкую карту (план) Брянска и его железнодорожных узлов, изданную в апреле 1942 г., с нанесением на ней немцами германскими учреждениями. Нам, на основе имеющегося разведыватель-

(Окончание. Начало в номере за 19 декабря).